

А.С. Верещагин

**Из истории древне-русской
Вятки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.С. Верещагин**
Из истории древне-русской Вятки / А.С. Верещагин – М.: Книга по Требова-
нию, 2015. – 57 с.

ISBN 978-5-518-06212-2

ISBN 978-5-518-06212-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

накъ польскія хроники, и особенно „Хроника“ Стрыйковскаго, принимались на Руси читателями и писателями XVII и XVIII в. гораздо охотнѣе, чѣмъ русскія лѣтописи ¹⁾, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что и мнѣніе Стрыйковскаго о происхожденіи Вятчанъ отъ Вятка (въ качествѣ двоюродныхъ братьевъ Радимичей) получило широкое распространеніе среди тогдашняго грамотнаго люда. Такъ напр. владѣлецъ списка Никоновской лѣтописи, одинъ изъ Строгановыхъ — вотчинниковъ обширной территоріи въ сосѣдней съ Вяткою Пермю, при чтеніи лѣтописнаго отрывка, гдѣ перечисляются славянскія племена, не замедлил сдѣлать на полѣ замѣтку: „Радимичи и Вятчане отъ дяховъ“ ²⁾. И не только простые читатели, но и составители „Россійскихъ Исторій“ XVII и XVIII в. вполнѣ полагаются на Стрыйковскаго и только переписываютъ авторитетнаго для нихъ польскаго хрониста. Составитель столь распространеннаго въ концѣ XVII и въ XVIII в. „Синописа“ буквально повторяетъ слова Стрыйковскаго о Вятко и Вятчанахъ ³⁾. Манкиѣвъ въ своемъ „Ядрѣ Россійской Исторіи“ безъ малѣйшаго колебанія утверждаетъ, что полководецъ Вятко (вмѣстѣ съ Радимомъ подвластный Кію и его братів) былъ на рѣкѣ Вяткѣ и нѣсколько по Волгѣ, а по немъ назвались (жители береговъ Вятки) Вятичи или Вятчене ⁴⁾. Авторъ много томной „Россійской Исторіи“ кн. Щербатовъ въ одномъ мѣ-

„Хроники“ съ такою подписью (на 3 л.): „Сію хронику купилъ мнѣ на мой денги с милости своей на ми ближней столникъ и кievской воевода и наместникъ смоленской князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, бевъ меня, какъ я послаше былъ отъ него изъ Кіева въ Вѣлгородъ, а даль за нее 12 тарелей битыхъ, а денги за нее платилъ сынъ мой Буффмюсъ и Яковъ Ивановичъ Ушаковъ подполковникъ 1708 года октопрія м. Писать сіе Иванъ рессаторъ Ушаковъ chiliarchus indignus 1709 марта м.“.

¹⁾ Объ этомъ обстоятельно сказано въ трудѣ Н. Н. Милюкова: „Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX в.“ — въ „Русской Мысли“ 1893 г., I, 48—49.

²⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. IX, предисловіе.

³⁾ Синописецъ, с. 17.—Извлеченіе изъ него—въ „Опытѣ Казанской исторіи“ П. Рычкова, 1767 г., с. 15.

⁴⁾ Ядро Росс. Ист., Хилкова, 1779 г., 28.

стѣ, перифразируя Стрыйковского, пишетъ, что „съ тремя главными князьями (Кіемъ, Шекомъ и Хоривомъ) пришли главные вожди: Радимъ, отъ коего Радимчане, и Вятко, отъ коего Вятчане“; а въ другомъ мѣстѣ лѣтописное извѣстіе подъ 1169 годомъ — „налезоша путь на Вячка и Володаря“ передаетъ по-своему: „отверзли путь на Вяцкъ и къ Володарю“¹⁾. Составительница „Записокъ касательно Россійской Исторіи“ также заноситъ въ нихъ (I, 15) мнѣніе „нѣкоторыхъ писателей, которые говорятъ, что изъ подвластныхъ Кію князей одинъ былъ Радимъ, а другой Вятко на рѣкѣ Вяткѣ и нѣсколько по Волгѣ и что по немъ назывались Вятичи и Вятчане“ (хотя собственнаго мнѣнія объ этомъ въ „Запискахъ“ не высказываетъ). Замѣчательно, что даже П. И. Рычковъ, съ именемъ котораго неразрывно связано появленіе въ печати „общепринятаго“ мнѣнія о происхожденіи Вятчанъ²⁾ или „новгородской теоріи“ (по выраженію А. А. Спицына), не вооружается рѣшительно противъ мнѣнія о родствѣ Вятчанъ съ древними Вятичами: „нынѣшнихъ (1767 г.)“ — говоритъ онъ, — „обывателей Вятской провинціи, которые отъ рѣки Вятчанами именуется, можно ль отъ древнихъ Вятичей производить, сіе оставляю на разсужденіе другихъ“³⁾. Такимъ образомъ въ теченіе двухъ столѣтій держалось и повторялось безъ замѣчаній и опроверженій мнѣніе Стрыйковского о тождествѣ Вятичей и Вятчанъ, и только уже въ концѣ XVIII вѣка И. Н. Болтинъ сдѣлалъ краткое, но рѣшительное указаніе на несостоятельность такого мнѣнія. „Князь Щербатовъ“, говоритъ онъ въ „Примѣчаніяхъ на первый томъ Росс. Исторіи“ князя, „Вятка, и съ управляемымъ имъ народомъ — Вятичами, переносятъ съ верховья рѣки Оки, гдѣ—

¹⁾ Исторія Росс. : Щербатова, 1770, I, 120, 308. — Сюда же слѣдовало бы отнести еще и Ф. Емина, который приписываетъ Святославу Игоревичу походъ на Вятичей къ р. Вяткѣ; но объ этомъ „сочинителю“ позволительно упомянуть только подъ чертою.

²⁾ „Повѣсть о странѣ Вятской“, въ перифразѣ П. И. Рычкова, появилась въ первый разъ въ печати въ его „Опытѣ Казанской Исторіи“, 1767 г., въ приложеніи—с. 187—196.

³⁾ Тамъ же, с. 14—15.

по согласному сказанію лѣтописцевъ — Вятичи жили, на рѣку Вятку, которая тогдашняго времени руссамъ едва ли была и извѣстна“; а по поводу открытаго Щербатовымъ Вяцка онъ же (Болтинъ) спрашиваетъ: „Какой Вяцкъ? Южели кн. Щербатовъ подѣ словомъ Вяцкъ разумѣлъ рѣку Вятку, то о семъ и говорить излишне: ибо оставя то, что она совсѣмъ въ противную сторону лежитъ, но въ то время (въ 1169 году) едва ль новгородцамъ была и извѣстна“¹⁾. Затѣмъ, съ появленіемъ и распространеніемъ въ печати и въ средѣ читающей публики „Новѣсти о странѣ Вятской“, благодаря П. И. Рычкову, Н. П. Рычкову, Вештому, Баженову, особенно — Карамзину и Костомарову (съ ихъ многочисленными компиляторами) начинается полное торжество „теоріи новгородской“ — до 1876 года, когда въ „Запискахъ Академіи Наукъ“ профессоръ М. А. Колосовъ снова поднимаетъ вопросъ объ „усопшихъ“ — было Вятичахъ. И не предполагая даже, что у него былъ уже цѣлый рядъ предшественниковъ, онъ говоритъ: „не знаю, высказывали ли кто и когда мысль о томъ, что Вятичи колонизировали Вятскій край; но мнѣ такая мысль не только не кажется странною, напротивъ я признаю ее вѣроятною“; и затѣмъ приводитъ доказательства въ подтвержденіе своей мысли. Съ тѣхъ поръ слова „вятчанинъ“ и „вятчане“ начинаютъ сходить съ печатныхъ страницъ и замѣняются, особенно — въ газетныхъ листкахъ, словами „вятичъ“ и „вятичи“, появляются корреспонденты съ подписью „Вятичъ изъ Хлынова“, „Вятичъ изъ Пасѣгова“ и т. п. Правда, такая замѣна встрѣчалась и раньше появленія „теоріи“ Колосова, и нельзя, конечно, думать, чтобы она часто употреблялась въ силу этой теоріи²⁾; но уже самое торжество „вятича“ надъ „вятчаниномъ“ даже въ сочиненіяхъ ученыхъ (особенно въ сосѣдней

¹⁾ Критическія примѣчанія на первый томъ Россійской Исторіи кн. Щербатова, 1793 г., с. 149, 297.

²⁾ По видимому замѣна эта („вятича“ вмѣсто протяженнаго „вятчанина“) является чаще всего ради краткости, но иногда и — ради нѣкой пикаптности, напр. въ статейкахъ Гиневскаго и другихъ въ Волжскомъ Вѣстникѣ.

сь Вяткою Казали, напр. профессора Н. П. Загоскина ¹⁾ невольно обращает на себя внимание интересующихся исторіей древне-русской Вятки...

Какія же основанія приводятся въ подтвержденіе этой „вятической“ теоріи.

Ии Стрыйковскій, ни составитель Синонсиса, ни Манкиевъ, ни Щербатовъ не приводятъ никакихъ. Для нихъ было достаточно одного сходства и сближенія словъ Вятко (родоначальникъ) и Вятка (рѣка), чтобы признать тождество Вятичей и Вятчанъ. Такое сопоставленіе и сближеніе даже менѣе сходныхъ названій племенъ и народностей, раздѣленныхъ между собою и гораздо большимъ разстояніемъ и временемъ, чѣмъ Вятчи и Вятчане, признавалось достаточнымъ основаніемъ для ихъ отождествленія еще и въ позднѣйшее время. Нашъ напр. мѣстный историкъ Вештомовъ (вообще — ничуть не пустой компляиторъ и не небрежный кропатель) на этомъ же основаніи выводитъ изъ страны Вятичей предковъ нынѣшнихъ Вотяковъ, полагая, что „Вотяки, имѣли первое жительство у Оки, извѣстны стали у ближайшихъ къ нимъ славянъ подъ именемъ Вятичей, а потомъ, стѣняемые славянами, перебрались за Волгу, съѣли по западную сторону Камы и, углубляясь въ пустыя по теченію рѣки Вятки мѣста, заняли восточную половину Вятской губерніи“ ²⁾. Подобнымъ же образомъ сопоставляются съ Вотяками и архаическіе Будины: сами Вотяки называютъ себя Уть или Удь (Утьморть), а вотъ у Геродота какіе-то народы, жившіе далеко къ сѣверу отъ Чернаго моря, назывались Будинами, и это даетъ основаніе составителямъ „Исторіи Вятскаго края“ утверждать, что „Геродотъ (за 400 лѣтъ до Р. Х.) опредѣляетъ жилища Воти, называлъ се Удинами, уже въ предѣлахъ нынѣшней Вятской губерніи“ ³⁾.

¹⁾ Въ „Очеркахъ организаціи служилого сословія“ въ Уч. Запискахъ Казанскаго университета 1876 г. (V, с. 734 и др.), въ книжкѣ „Казанскій Край въ смутное время“, 1891 г., с. 144, 154, 170, 192 и др.

²⁾ Вятскія Губ. Вѣд. 1841 г., № 22.

³⁾ Исторія Вятскаго края, Васильева и Бехтерева, с. 2.

Сопоставленіемъ древнихъ Вятчей и Вятчанъ мотивируетъ „вятчскую теорію“ и Колосовъ. „Нельзя“, говоритъ онъ, „не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство: въ нынѣшней Калужской губерніи, въ области Оки, гдѣ жили нѣкогда Вятчи, есть селенія Вятское, Вятчина; не случайность же условила тожество топографическихъ названій въ мѣстностяхъ настолько одна отъ другой отдаленныхъ, какъ губерніи Калужская и Вятская. Если нѣтъ основаній допустить, что въ этихъ селеніяхъ живутъ позднѣйшіе выселенцы изъ Вятской губерніи, то несомнѣнно эти селенія—остатки земельного имени Вятчей“. Но затѣмъ Колосовъ приводитъ еще и другія соображенія въ подтвержденіе своего мнѣнія. Прежде всего онъ высказывается противъ „общепринятаго“ мнѣнія о новгородскомъ происхожденіи Вятчанъ. „Древнѣйшія лѣтописи — Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская“, говоритъ онъ, „ничего не говорятъ о заселеніи Вятскаго края; а лѣтописецъ Хлыновскій ¹⁾, который говоритъ объ основаніи Хлынова новгородцами,—поздній по времени составленія и содержитъ въ себѣ анахронизмы и баснословныя частности, и потому и не представляетъ достаточнаго ручательства за вѣрность рассказаннаго въ немъ преданія... Указываютъ“, продолжаетъ Колосовъ, „на характеръ вятскихъ построекъ и на черты языка, какъ на вѣское подтвержденіе преданія о новгородскомъ происхожденіи Вятчанъ (Бестужевъ — Рюминъ въ „Русской Исторіи“); но постройки вятскія далеко не тождественны по характеру съ новгородскими, а сходство вятскихъ говоровъ съ новгородскими хотя и не отрицаемо, но ощутительна между ними и разность“. Затѣмъ Колосовъ не соглашается съ тѣми писателями, которые вслѣдствіе звукового сходства сближаютъ Вятчанъ съ Вотяками. „Край, населенный Вотяками, естественно было русскимъ переселенцамъ назвать Вотскимъ краемъ. Но какъ изъ Вотскій сдѣлалось Вятскій? Измѣненіе вот на вят по звуковымъ законамъ невоз-

¹⁾ Колосовъ разумѣетъ здѣсь „Повѣсть о странѣ Вятской“.

можно. Могли Вятчане получить свое имя отъ рѣки Вятки. Но какъ объяснить названіе послѣдней? Думаютъ, что она первоначально называлась не Вятка, а Вотка (Островскій въ ст. „Вотки Казанской губ.). Но изъ Вотка такъ же невозможна Вятка, какъ изъ Вотскій Вятскій“. Иное дѣло, по мнѣнію Колосова, Окскіе Вятчи и Калужская Вятчина: „едва ли кто станеть и эти названія производить отъ Вот, Вотякъ“. Поэтому, „нисколько не отрицая возможности участія новгородцевъ въ завоеваніи и заселеніи Вятскаго края“, заключаетъ нашъ ученый, „я не вижу, почему бы не принять, что то и другое совершилось при значительномъ количественномъ движеніи (При—оужихъ) Вятчей на сѣверъ. На возможность такого движенія указываетъ уже то обстоятельство, что этому племени всего легче было проникнуть—по Окѣ, Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ въ край Вотяковъ. Могло быть такъ, что толпа предприимчивыхъ новгородцевъ увлекла за собою массу Вятчей, которые дали свое имя покоренному краю и особый отбѣнокъ его исторіи. До самаго паденія Хлынова Вятка остается чуждою другимъ областямъ древней Руси; съ князьями и Новгородомъ Вятчане въ постоянной борьбѣ; христіанство среди нихъ прививается слабо; по характеру политическаго устройства Вятская республика“ стоитъ одиноко. Въ исторіи Вятчей, какъ племени, нельзя не замѣтить, по извѣстіямъ лѣтописи, аналогичныхъ чертъ: они позже другихъ племенъ принимаютъ христіанство, долѣе другихъ сохраняютъ свою этнографическую особенность, долѣе другихъ борются за нее съ кievскими князьями“¹⁾.

Таковы соображенія Колосова въ защиту Вятической теоріи, выписанныя здѣсь въ подлинныхъ выраженіяхъ автора, который, надо замѣтить, не былъ занятъ специально рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи русскихъ Вятчанъ, а занимался имъ только мимоходомъ, при изученіи особенно-

¹⁾ „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія“, въ приложеніи къ XXVIII тому „Записокъ Академіи Наукъ“, 1876 г., № 4, с. 55—63.

стей вятскаго говора (до 1876 г.). Пока не были изданы (въ 1880—81 гг.). „Сказанія русскихъ лѣтописцевъ о Вяткѣ“, пока не собраны и не изданы были „Акты, относящіяся къ исторіи Вятскаго края“ (до конца XV вѣка), какія только можно было собрать до 1881 года, пока не изданъ былъ (хотя въ извлеченіи) „Вятскій Временникъ“ (въ 1879 г.) съ комментариемъ и не былъ еще обстоятельно обследованъ указанный Колосовымъ Вятскій лѣтописецъ, то есть — „Повѣсть о странѣ Вятской“, соображенія Колосова могли найти читателей, придающихъ имъ извѣстное значеніе и цѣну; но въ настоящее время, когда сейчасъ указанные работы уже исполнены, безпристрастная критика не можетъ не признать соображенія Колосова несостоятельными.

Молчаніе указанныхъ Колосовымъ лѣтописей о Вяткѣ ничего не говоритъ ни въ пользу „вятичской“, ни въ пользу „новгородской теоріи“. Ипатьевская лѣтопись, занятая главнымъ образомъ событіями южной и западной Руси, а не сѣверо-восточной, доведена только до 1292 года; Лаврентьевская, описывающая съ 1112 года событія Суздальской и Ростовской области, заканчивается 1305 годомъ; Новгородская первая по Синодальному списку, описывающая преимущественно новгородскія событія, оканчивается событіями 1333 года. Молчаніе этихъ лѣтописей о Вяткѣ объясняется просто тѣмъ, что говорить о ней имъ было нечего: „русской Вятки“ до времени, когда закончены указанные лѣтописи, еще не существовало, и никакихъ слѣдовъ жительства на берегахъ Вятки какой либо Руси, вятичской ли или новгородской, мы рѣшительно не находимъ¹⁾. Но какъ только появляется русская жизнь на Вяткѣ, начинаютъ говорить и о вятчанахъ послѣдующія лѣтописи. Въ первый разъ о появленіи русскихъ пришельцевъ на Вяткѣ мы читаемъ въ пяти лѣтопи-

¹⁾ Авторъ настоящаго труда 44 года некаль этихъ слѣдовъ, и не нашелъ; онъ былъ бы очень радъ, если бы ему дали хотя какія нибудь достоверныя указанія на жительство русскихъ по берегамъ Вятки до половины XIV вѣка. Объ этомъ обстоятельстве—въ изслѣдованіи „Хлыновъ старше или Хлыново“, 1904 г., ст. 47—51.

сяхъ подъ 1374 годомъ, и съ этого времени начинаютъ на-ходить мѣсто какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ лѣтописяхъ, а также и въ разныхъ актахъ и другихъ письменныхъ памятникахъ, извѣстія и о русскихъ вятчанахъ. Если бы произошло предполагаемое Колосовымъ передвиженіе Вятчей съ верховьевъ Оки на берега Вятки до 1292—1333 года, то, надо полагать, такое передвиженіе переселенцевъ, да еще массовое, по рр. Окѣ, Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ, не могло быть не замѣчено и указанными Колосовымъ лѣтописями.

Соображеніе Колосова, что „Вятчамъ всего легче было проникнуть—по Окѣ, Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ—въ край вотяковъ“, представляется очень рискованнымъ. Вѣдь Вятчамъ приходилось плыть по четыремъ рѣкамъ не по своей территоріи, не мимо пустыхъ береговъ этихъ широкихъ рѣкъ, гдѣ бы переселенцы не встрѣчали никакихъ препятствій къ переселенію. Имъ надобно было плыть мимо береговъ, населенныхъ сильными тогда инородцами, надобно было продраться черезъ Мордву, черезъ Болгарію, которыя вели въ до-татарскій періодъ упорную борьбу съ Русью ¹⁾; а Болгары даже не допускали иноземцевъ къ прямымъ сношеніямъ съ сѣверными и восточными своими сосѣдями, пользуясь сами выгодами посредничества въ торговлѣ и пуская слухъ, что эти сосѣди ихъ убиваютъ иноземцевъ“ ²⁾.

Но если мы признаемъ возможнымъ и вѣроятнымъ передвиженіе Вятчей съ верховьевъ Оки на Вятку, то предъ нами тотчасъ же возникаетъ вопросъ: куда же дѣвалась эта масса Вятчей на Вяткѣ? Такое передвиженіе можно допустить только въ до-татарскую эпоху, такъ какъ нельзя же думать, чтобы Вятчи, послѣ разгрома татарами ихъ пограничнаго города Козельска ³⁾ въ 1238 году, потянулись чрезъ всю Оку на Волгу, Каму и Вятку, въ территоріи, за исключеніемъ развѣ Вятки, еще до Козельска раззоренныя и опустошенныя та-

¹⁾ Подробнѣе см. въ томъ же трудѣ стр. 48—49, 61—62.

²⁾ Мухамеданская нумизматика, Савельева.

³⁾ Подъ 1147 годомъ въ Ипатьевской лѣтописи упоминаются еще другіе „города Вятичскіе“: Брянскъ, Воробинъ, Домагощъ, Обловъ, Дѣдославъ, Мицскъ, всѣ—въ верховьяхъ Оки.

тарами, куда владычество послѣднихъ, конечно, не могло привлечь русскихъ поселенцевъ съ запада. А если масса Вятчей, по Колосову, поселилась на берегахъ Вятки въ XII или въ началѣ XIII вѣка, до татаръ, то въ теченіе XII—XIV столѣтій (до 1374 года) „масса“ Вятчей должна была очень и очень размножиться и усилиться на Вяткѣ, а ихъ поселенія основаться и утвердиться здѣсь широко и прочно. Между тѣмъ пришельцы на Вятку 1374 года не только не встрѣчаютъ здѣсь какія либо „силы русскія“ и не находятъ поддержки противъ аборигеновъ—инородцевъ со стороны какой либо прежде поселившейся тутъ Руси, но тотчасъ же послѣ своего прихода встрѣчаютъ сильный отпоръ со стороны инородцевъ. Черезъ четыре года по приходѣ на Вятку, въ 1379 году, пришельцы -- ушкуйники дѣлаютъ натискъ на арянъ — вотиковъ, отрядъ ихъ вторгается въ землю арянъ, которые жили тогда и въ предѣлахъ нынѣшняго Орловскаго и Вятскаго уѣздовъ, гдѣ, по ихъ преданіямъ, находилась „великая куала“ ихъ (около или на мѣстѣ Хлынова), и этотъ набѣгъ русскихъ пришельцевъ оказывается для нихъ гибельнымъ: отрядъ ихъ „избили“ аряне и умертвили захваченнаго въ плѣнъ русскаго ватамана Ивана Рязана ¹⁾. Какія же тутъ до 1374 года можно предполагать поселенія, да еще „массовыя“, окскихъ Вятчей въ землѣ арянъ, а тѣмъ болѣе сосѣ-

¹⁾ Въ лѣтописяхъ Воскресенской, Никоновской, Типографской, Львова подъ 6887 годомъ читаемъ: „Того же лѣта Вятчаво (ушкуйники 1374 года) ходиша ратию въ Арскую землю, и взяша разбойниковъ ушкуйниковъ и въводу ихъ Ивана Рязана Станиславова сына изымавше убиша“. Въ Парижскомъ и Синодальномъ спискахъ (XVI в.) Воскресенской послѣ слова „изымавше“, написано: „аарменна“, а въ Карамзинскомъ II списокѣ—„арменія“: очевидно, эти неумѣстные здѣсь слова написаны вмѣсто неразобраннаго писцами слова „аряне“.— Съ именемъ Рязана или Рязана (прозвище,—не Рязанца) связано особое, только запутанное и искаженное, преданіе о „ризановцахъ“ въ селѣ Истобелскомъ, гдѣ для поминовенія ихъ съ древнихъ временъ устроена была часовня. Дѣйствительно, подлѣ этого села съ давнихъ временъ извѣстна мѣстность подъ названіемъ „Рязановской“, а въ Дозорной книгѣ кн. Звенигородскаго 1615 года и въ Писцовой Толочанова 1628 года у „погоста въ Истобломѣ“ (т. е. у нынѣшняго села Истобелскаго) записана „деревня Резановская да цусюшь погос(т)ская“.

дей ихъ черемисъ, болѣе сильныхъ и упорныхъ противниковъ Руси?

Далѣе—Колосовъ не обращаетъ вниманія на то, что русскія поселенія появились сначала не по всей Вяткѣ, а находились только въ среднемъ ея теченіи, отъ устья Чепцы по устью Моломы—до Котельнича. Въ этихъ именно предѣлахъ застаеъ древне-русскую Вятку роковой для нея 1489 г., когда рать Ивана III взяла городки Котельничъ, Орловъ и Хлыновъ, да еще захватила Каринскихъ татаръ близъ устья Чепцы, но не взяла г. Слободского, потому что его еще не существовало. Если масса Вятчей, по Колосову, могла легко пробраться на Вятку, то представляется страннымъ и непонятнымъ, почему она поселилась въ среднемъ теченіи Вятки, а не въ ея низовьяхъ, представлявшихъ несомнѣнно больше удобствъ и выгодъ для поселенцевъ. Это заселеніе средняго теченія Вятки первыми русскими поселенцами само по себѣ уже внушительно указываетъ, что первоначально Русь шла сюда не съ юга, не съ низовьевъ Камы и Вятки, а съ сѣвера.

Колосовъ высказываетъ недоувѣріе „Вятскому лѣтописцу“ (Шовѣсти о странѣ Вятской) на томъ основаніи, что онъ повдній. Надобно замѣтить, что Колосовъ раздѣлялъ мнѣніе Карамзина, Костомарова, преосв. Филарета Черниговскаго ¹⁾ и др., которые относили появленіе этого лѣтописца къ XVI вѣку, на томъ основаніи, что онъ заканчивается 1553 годомъ; но этотъ глаголемый „лѣтописецъ“, какъ не разъ уже было разъяснено и доказано, оказывается гораздо болѣе позднимъ, именно конца XVII вѣка, и доувѣрять его показаніямъ слѣдуетъ дѣйствительно съ великою осторожностію. Но высказывалъ свое недоувѣріе, Колосовъ доувѣряетъ показанію этого „лѣтописца“ въ той его части, которая менѣе всего заслуживаетъ доувѣрія, именно—показанію о заселеніи Вятки русскими въ XII вѣкѣ. Поэтому онъ, вслѣдъ за доувѣрявшими этому „лѣтописцу“ показанію Карамзинымъ, Костомаровымъ и ихъ компиляторами, представляетъ уже въ XIII—XV вѣкахъ русское населеніе Вятки очень многочисленнымъ, что

¹⁾ Обзоръ русской дух. литературы, Филарета Черн., 1884 г., с. 142.